

¹Жаксылыков А.Ж., ²Мажен Е., ³Жамашев А.

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aslanj54@mail.ru

²Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: yernarmazhen@gmail.com;

³Казахский национальный университет имени аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: azamat.jamashev@mail.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ ПОЭЗИИ БУХАР ЖЫРАУ

Поэзия акынов-жырау – важнейший этап формирования эстетических принципов, канонов, традиционного формульного языка всей казахской поэзии. Одним из важнейших принципов поэзии жырау была духовность, глубокая связь с религиозно-мифологическим началом, уходящим корнями в древние верования, архаические мировоззренческие системы. В эпоху казахо-джунгарских войн, в XVI-XVIII вв., которые способствовали духовной консолидации казахского народа, в поэзии жырау усиливаются исламские мотивы, что проявилось в активном проникновении в поэзию жырау мусульманской лексики, в функциональности реминисценций, цитат, апелляций к именам бога. Наиболее характерна эта тенденция для поэзии Бухара жырау, который не только занимал позицию поэта-проповедника, но и в какой-то степени был духовным вождем народа.

Ключевые слова. концепт, парадигма, акыны-жырау, мифо-поэтика, религия, мировоззрение.

¹Zhaksylykov A.Zh., ²Mazhen Ye., ³Jamashev A.

¹Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: aslanj54@mail.ru

²Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: yernarmazhen@gmail.com

³Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
e-mail: azamat.jamashev@mail.ru

Religious motives in the poetry of the Bukhar zhyrau

The poetry of akyn-zhyrau is the most important stage in the formation of aesthetic principles, canons, the traditional formula language of all Kazakh poetry. One of the most important principles of the poetry of Zhyrau was spirituality, a deep connection with the religious-mythological principle, rooted in ancient beliefs, archaic ideological systems. In the era of the Kazakh-Jungar wars, in the XVI-XVIII centuries, which contributed to the spiritual consolidation of the Kazakh people, Islamic motifs strengthened in the poetry of Zhyrau, which was manifested in the active penetration of Muslim vocabulary into the poetry of Zhyrau, reminiscence functionality, quotations, appeals in God's names. This tendency is most characteristic to the poetry of Bukhar Zhyrau, who was not only a poet- preacher, but to some extent, was also the spiritual leader of the people.

Key words: concept, paradigm, akyn-zhyraus, myth-poetics, religion, worldview.

¹Жаксылыков А.Ж., ²Мажен Е., ³Жамашев А.

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: aslanj54@mail.ru
²Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: yernarmazhen@gmail.com
³Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ., e-mail: azamat.jamashev@mail.ru

Бұхар жырау поэзиясының діни сарындары

Ақын жыраулар поэзиясы – бүкіл қазақ поэзиясының канондары мен эстетикалық принциптерінің қалыптасуының маңызды кезеңі болып табылады. Жырау поэзиясының маңызды

принциптерінің бірі түп тамыры ежелгі діни-наным сенімдерде орын алған діни-мифологиялық бастаулардан, архаикалық дүниетанымдық жүйелермен терең байланысы бар руханилық болып табылады.

XVI – XVIII ғ. қазақ-жоңғар соғыстары кезеңінде, қазақ халқының рухани бірігуіне, топтасуына негіз болған кезеңде жырау поэзиясында ислам сарындары күшейіп, мұсылман лексикасының кең етек жая бастап, құдайға деген апелляциялар, сілтемелер, реминисценциялар белсенді түрде орын алды. Бұл үрдіс неғұрлым Бухара жырау поэзиясына тән, ол тек қана ақын-уағызшы ғана емес, сонымен қатар, белгілі бір дәрежеде қазақ халқының рухани бастаушысы, көсемі болды.

Түйін сөздер: концепт, парадигма, ақын-жыраулар, мифо-поэтика, дін, дүниетаным

Введение

Содержательность религиозно-мифологических мотивов и концептов в поэзии акынов-жырау недостаточно изучена, тем не менее она достаточно определенно представляет выраженную черту их творчества. Надо признать, среди жырау не было поэта такой однозначной религиозной направленности, как А. Яссави [1]. Однако вместе с тем религиозная тематика в творчестве степных поэтов звучит отчетливо, и она имеет развитие в веках поэтической традиции. У некоторых из них (у Бухара-жырау) религиозная тема проявлена системно и имеет характер идейной программы. Как известно, поэзия жырау, особенно тема религиозных мотивов и концептов в этой литературе, в советский период долгое время была под негласным запретом, она не изучалась. Лишь с середины XX в. (1942 г.) начались эпизодические упоминания о поэзии жырау [2, с. 155-160]. Развернутые же исследования начались лишь с 70-х годов XX века, когда появились известные труды М. Магауина [3].

Комплексный анализ творчества акынов-жырау показывает, что степные жырау творчески развивали и воплощали в поэтическом слове основные принципы народной философии и эстетики, в их мироощущении непротиворечиво переплетались мотивы и архетипы тенгрианского, анимистического, исламского мирозерцания, образуя синкретизм. В мировоззрении акынов-жырау со всей силой поэтического звучания выявилась традиционная религия природы кочевников (синтез тотемизма, анимизма, тенгрианства) [4, с. 156]. На этот древний архетипический духовный слой с ходом времени начинают наслаиваться исламские философские реминисценции, концепты системного религиозного мировосприятия. Этот процесс получил интенсивное развитие уже в эпоху казахо-джунгарских войн, которые интенсифицировали процесс духовной самоидентификации.

Результаты и обсуждение

Акыны-жырау за ряд веков заложили базовые принципы эпической поэзии тюрков Центральной Азии. Эти каноны стали базовыми художественными и ментальными основами, как бы подтверждающая культ традиции предков в тюркском духовном космосе. «Временная вертикаль «потомки–предки» пронизывает все верования саяно-алтайских тюрков. Это больше, чем «культ предков». Это способ осознания своего места в пространственно-временных и причинно-следственных координатах мира», – пишут исследователи [5, с. 30]. Данный принцип полностью можно отнести и к традиционной казахской культуре, в том числе к поэзии.

Религиозно-мифологическая парадигма в творчестве степных поэтов развивается до XVIII в. (до Бухара-жырау) исподволь, накапливаясь постепенно, коррелируясь с процессами онтогенеза народа.

Бухар-жырау (1668-1781) предстает наиболее колоритной и масштабной фигурой среди казахских акынов-жырау XVIII века. Бухар-жырау, как и Асан-кайгы, воплощает в себе черты поэта, мудреца, дипломата, государственного советника, прорицателя, ритуального медиатора, народного вождя, в нем как бы вновь ожил синкретический дух седой старины. Влияние Бухара-жырау на политические события в XVIII веке на общественное мнение народа было огромно. Связь Бухара-жырау с народом – это, прежде всего, глубинная духовная связь, идущая от самых архетипических корней традиционной этнокультуры, коллективного подсознательно-го начала, таинственных ментальных уровней единства общего и индивидуального. С этой точки зрения между великим жырау и народом никакой дистанции не было, поэт выступал рупором народного мнения и точно отражал отношение коллектива к тем или иным событиям. Жырау с удивительной яркостью и концентрированно репродуцирует народную философию жизни, вековую мудрость, традиционное миро-

ощущение. В его творчестве как бы слились и предстали в органичном синтезе многовековой эстетический, философский и духовный опыт народа, а также традиция мифопоэтического сознания. В XVIII веке Бухар-жырау – наиболее яркий представитель традиционной ментальности кочевого общества. Творческий всплеск в его поэзии не случаен, ибо жырау как бы завершал длительную традицию эпической словесности, – в его произведениях осуществлялась этапная аккумуляция многовекового культурного опыта. Авторитет Бухара-жырау был столь велик, что хан Абылай назначает его своим государственным советником.

Религиозное сознание для Бухара-жырау органично и естественно. Как и Асан-кайгы, он декларирует и пропагандирует религиозные парадигмы, и это далеко не случайно. Асан-кайгы в одной из своих произведений называет в качестве опорных ценностей жизни ритуальный намаз, регламентирует потомкам смирение и покорность перед волей всевышнего. Значимы следующие строки Асана-кайгы:

Қазтуған менен Абатым,
Дұшпанды жер болғанда,
Сегіз қырлы болатым
Мен бір жасы жеткен қарт едім,
Көленкелі жерде бағатын
Күні-түні жатырмын,
Бес намазды тәр қылмай,
Құдайдың өтіп тағатын...
«аумин» де Абат жан,
Батамды саған берейін,
Баламда болсаң ер едің,
Тұла бойым тұңғышым,
Менен туып тұр едің.
Жылы жерге алып бар
Қатын, бала тонбасын
Енді кейін қайтуға
Хақ тағала жазбасын.
Түсімді алған кәрі едім
Иманым болғай жолдасың
Қайда барсаң аман бол,
Мандайынды алла ондасын!

Бухар-жырау религиозные темы, мотивы рассматривает в более широком и социально актуализированном контексте, они получают значение идеологем. В произведении «Айт-ар болсаң Алланы айт» поэт имя бога ставит в самое начало знаково-символического ряда, слово основного метасемантического значения выполняет роль рефрена, от которого тянутся ассоциативные связи к смысловому полю коранической философии, мифологии, реалиям ислама. С этого рефрена начинается звуко-

изобразительный ряд, создающий картину жизни мусульманской общины, одна за другой проплывают сцены утренней молитвы – азана, интонируется голос муэдзина, призывающего верующих к выполнению обряда. Эти религиозные сценки, картины, звуко-изобразительный ряд, кораническая лексика, мифопоэтическая символика, культовые атрибуты призваны не только выразить мировоззрение поэта, но и наглядно воспроизвести систему констант – признаков приятного сердцу поэта образа жизни и культуры. Данный вывод подтверждается текстом другого произведения Бухара-жырау – «Алыстан қызыл көрінсе», функциональностью лексики и мотивов в нем:

Кісі ақысын көп жеген,
Арам емей немене.
Іштегі сыр Аллаға мәлім,
Сыртындағы қулығың,
Амал емей немене,
Сусағанда берген су
Шекер емей немене.
Һәммәтсіз ерге біткен мал,
Бекер емей неме. [6, с. 14]

Нравственные проблемы честности, искренности, душевной чистоты, неподкупности здесь вынесены на первый план, семантически они подчинены смысловому центру – концепту высшей ценности космоса – всевышнему Аллаху. Исходя из коранической метафизики и психологии, поэт утверждает, что все происходящее в сердце человека открыто богу, из этого и вытекают моральные требования к человеку быть чистым душой. В другом стихотворении поэт риторически восклицает:

Көкте бұлыт сөгілсе,
Көктем болмас не пайда.
Көкіректен жан шыкса,
Қайтып келмей не пайда.
Дін мұсылман болмаса
Тіл мұсылма не пайда. [6, с. 13]

В этих красноречивых строках поэт призывает отказаться от формализма и двуличия в проявлениях религиозности, его логика опять-таки вытекает из религиозной психологии, осознания необходимости жить по парадигмам и императивам веры в существование бога. Чувства человека, переживания, которые управляются законами социального детерминизма, требованиями мимикрии, маскировки, коммуникации, по мнению поэта, неизбежно граничат с ложью, поэтому ценности не имеют. Достаточно обнаже-

ны религиозно-философские смыслы в произведении «Хақтың үйі мешіт-ті»:

...Ибрахим халил жасады
Тәңірім үйі мешітті.
Құдайды білмес бейнамаз
Құдайынан кешіпті.
Құдайыңа құл болсаң,
Шын жаратқан ұл болсаң
Құдай тағалам өзі берер нәсіпті. [6, с. 11]

В этих строках звучит призыв к религиозному смиренению, соблюдению ритулов; удача в жизни, успешность судьбы прямо связываются с искренностью веры в мощь бога. Статус человека, определенный поэтом, соответствует основному религиозному канону. Это произведение, да и другие теологические окрашенные творения Бухара-жырау, в 30-х годах XX века послужили поводом для вульгарного-идеологических обвинений против великого барда XVIII века. Мы же должны понимать, что жырау меньше всего волновало, что о нем будут говорить в будущем, – как духовный вождь народа он был больше всего озабочен вопросами консолидации и идейного единения народа перед лицом агрессии джунгара. Мудрый жырау отдавал себе отчет в роли религии в деле сплочения народа, в формировании национального характера. Вновь и вновь поэт напоминает об этом, обращаясь при этом не только к хану, но и ко всему народу:

Ей, айтшы, Алланы айт,
Аты жақсы құдайды айт.
Төрт шарияр Мұстафа
Мұсқап ашқан ғаламды айт.
Тәңірім сөзі бұрқанды айт,
Кәлім Алла құрнады айт.
Тәңірім салса аузына,
Жан жолдасың иманды айт.,
Жамандыққа жақсылық
Көктемеген Еділді айт.
Қара қылды қажарған
Наушарундай әділді айт.
Арсы менен Күрсіі айт,
Лаухы менен Кәләмді айт.
Құдыретімен жаратқан
Он сегіз мың ғаламды айт... [6, с. 10]

В этом произведении, обильно насыщенном книжной религиозной лексикой и реминисценциями, наблюдаются признаки своеобразного духовного синтеза – древнетюркское Тенгри, тюрко-персидское «кудай» соседствуют с кораническими Алла, Мустафа, Курси, персидский субстрат Наушаруан (Ануширван) с буддийско-ламаистским «бұрқан» (будда – хан), однако вся

эта лексика с высоким содержанием пронизана исламским мироощущением и функционирует в духе коранической экзегетики. Исходя из этого обстоятельства, можно предполагать знакомство Бухара-жырау с книжной мусульманской литературой-кисса и дастанами.

К. Омиралиев, подвергший системному анализу язык и стилистику поэзии акынов-жырау, высказал мнение, что некоторые стихотворения, приписываемые Бухару-жырау, на самом деле ему не принадлежат, среди них, по его мнению, «Ей, айтшы, алланы айт» 214: «Ал бақсылардың сарынына ұқсас Ей, айтшы, алланы айт» деген өлең Бұхар өлендері стиліне жанаспайды. Тіпті Бұхар кезіндегі дәстүр тұрғысынан қарағанда да өленді: «Ей, айтшы, алланы айт» түрінде бастаудың өзінде қате бастау бар еді. «Ей, айтшы, алланы айт» және «Ақтың үйі мешіт-ті» деген екі өлең не бәрі 56 жол ғана, ал осында 56-дан артық араб-парсы сөзі сөз тіркестері бар». Далее К. Омиралиев в качестве дополнительного аргумента указывает на жанровое несоответствие этих стихов другим произведениям Бухара-жырау.

На наш взгляд, аргументация К. Омиралиева страдает недостаточностью, и она непоследовательно выстроена, чтобы можно было принять такой вывод.

Арабо-персидская лексика присутствует и в других произведениях поэта, в частности в «Бірінші тілек тілеңіз», «Алла деген ар болмас», «Сәлем бір сөздің анасы», «Жақын жерден шөп жесе», «Көкте бұлыт сөгілсе», «Алыстан қызыл көрінсе», «Қара арғымақ арыса», «Айтар болсаң Алланы айт», «Абылай ханның қасында», «Шүршит келем деген сөз бар-ды» и др. В этих произведениях арабо-персидская, кораническая лексика звучит отнюдь не формально, она достаточно осмысленна и акцентирована в идейном отношении. В двух толгау «Абылай ханның қасында», «Шүршит келем деген сөз бар-ды» жырау достаточно ясно формулирует свою политическую позицию по отношению к соседям Казахстана – России и Китаю. Он неоднозначно высказывается о том, что в условиях опасности культурной ассимиляции со стороны великих народов казахам следует подумать о духовной консолидации, внедрении религиозных основ в сознание масс. Таково мышление великого жырау, и игнорировать это в научных комментариях теперь никак нельзя:

Бұ қылықты қоймасаң,
Құдайдың бергеніне тоймасаң,

Ағаш үйде кәпір бар,
Көресің сонан теперіш.
Мұсылманның баласы,
Сірә бір кеңес құрыңыз.
Бірауызды болыңыз...

Или следующие строки:
«Шүршіт келем!» - деген сөз бар-ды
Көктен түскен төрт кітап:
«Інжіл» атты кәләмдә.
Егер шүршіт келмесін,
Егер шүршіт қаптаса,
Алып бір жейді (кетер) актарып,
Көмулі көрден дененді.
Шүршіт келсе, Сырға көш,
Ішетұғын суы бар... [6, с. 19]

По этим строкам вполне очевидно, что жырау был осведомлен о канонических Евангелиях, знание которых вменяется в обязанность мусульманам Кораном. В толгау «Бірінші тілек тіленіз» поэт недвусмысленно рекомендует своим слушателям такой ритуал, как намаз:

Бесінші тілек тіленіз
Бес уакытты бес намаз
Біреуі қаза қалмасқа... [6, с. 7]

Все эти слова, строки которых свидетельствуют об основательном знакомстве Бухара-жырау с Кораном, с мусульманскими апокрифами, обрядами и ритуалами ислама, о наличии в мышлении поэта сущностных религиозных парадигм, не оставляют сомнений в идеологической ориентированности поэта на ценности ислама. Следовательно, широкое применение религиозно-мифологической культовой лексики в произведениях жырау, это не только естественное явление, но и закономерное, отражающее идейную тенденцию автора. На фоне этих материалов аргументации К. Омиралиева выглядят неубедительными, следует принять к сведению и то обстоятельство, что они были сформулированы в период тоталитарного режима, когда отношение к религии было однозначно отрицательным. Что касается жанровой природы обсуждаемых произведений, то, как нам представляется, судить об этом с уверенностью также нельзя, ибо данные тексты являются фрагментами более крупных творений жырау, которые до нас полностью не дошли.

Смутное грозное время вызывает у поэта и явные эсхатологические настроения. Эсхатологическая проблематика достаточно традиционна для поэзии акынов-жырау разных поколений, впервые она обозначилась в творчестве Асана-

кайгы. Вместе с тем Бухар-жырау к рефлексиям предшественников на тему «последнего срока» (Заман акыр) добавил новые краски и интонации, ассоциированные с представлениями о далеко зашедшей моральной деградации людей, углубляющейся из поколения в поколение:

Эй, заман-ай, заман-ай,
Түсті мынау тұман-ай,
Істің бәрі күмән-ай.
Баспақ тана жиылып,
Фәни болған заман-ай.
Құл-құтандар жиылып,
Құда болған заман-ай.
Арғымағын жоғалтып,
Тай жүгірткен заман-ай... [6, 31 с.]

В ритмико-интонационном отношении данное произведение выстроено в форме традиционной заплачки – жоктау. В этих строках оплакивается время, безжалостное по отношению к человеку, бытие, обернувшееся иллюзией, обрисовывается алогичная социальная ситуация. Когда рабы стали сватами своих повелителей, когда из-под седла кочевника выбита опора и нет прежнего скакуна. Таким образом, образ времени варьируется, поучает сложное развитие по негативной нисходящей линии.

Толгау «Көк көгершін, көгершін» вполне можно считать духовным завещанием великого жырау. Из ряда других произведений поэта это толгау выделяется своей особой семантикой – историческим охватом и нравственно-психологическим анализом эпохи с одновременными емкими характеристиками нынешнего положения и судьбы народа, образа жизни, морали, норм поведения людей. Отличительной эмоциональной чертой толгау является интонация горечи и сожаления, пронизывающая все произведение. Содержательно более глубоким и нравственно насыщенным делает толгау то обстоятельство, что жырау повествует о народе, он не становится в позу всезнающего судьи. Жизнь общества поэт рассматривает в фокусе своего личного опыта и обобщения осуществляются на основе совмещения интересов, индивидуального и коллективного. Изображая свою судьбу, как типическую, рядовую, поэт выделяет узловые проблемы жизни кочевников, обусловленные заботами о скоте, пастбищах, откочевках. В этих масштабных картинках – обобщениях неизменной жизниномада, в метафорах на тему судьбы вновь звучит апелляция к богу-творцу, причине всего сущего («Аллаға қарай зарладым...»), в этих упованиях интонационно выделяются сакрально значимые

события – начало и конец человеческой жизни («Алладан хұқым келмей өлмек жоқ»). Для поэта воля всевышнего – высшая ценностная инстанция, смысловой центр мироздания. Жизнь человека полностью определяется сущностным критерием – была связь с богом или нет. Как и давний предок, автор «Большой надписи в честь Культегина» – Йоллыг-тегин, Бухар-жырау считает, что беды и несчастья народа происходят от того, что он забыл про бога («Хақтың жолын күзетпей, жамандықты ұққан жұрт»). Вместе с тем поэт не может не любоваться красотой и романтическим велоколепием кочевой жизни. До боли в сердце он любит свой народ, а картины степной жизни, кочевья, виды джайляу для него – это сокровенная медитация. Слово «жұрт» (народ) и его поэзия выполняют роль основного референта. В постоянстве этого лейтмотива ощущаются интонации глубоко скрытого зикра, подсознательных пований:

Ханымыз отыр аһ ұрып,
Халкымыз отыр бас ұрып.
Сабаны эжел ордаға,
Құран оқыт молдаға.
Ханның сөзі түзік деп,
Орынсыз сөзді жолдама.
Бұрынғы өткен бәрі өлді,
Қарсы болма Аллаға... [6, 42 с.]

Как и Йоллыг-тегин, Бухар-жырау считает, что статус и державная власть правителя-хана обусловлены волей свыше. Он призывает свой народ почитать хана, ибо так определено свыше.

Таким образом, в отличие от других акынов-жырау данной генерации, Бухар-жырау соединяет религиозное начало с политическим, актуальных образных обобщений, ибо главная его забота – нравственное, ментальное состояние народного духа. И это вполне объяснимо, Бухар-жырау, как и Толе-би, Айтеке-би, Казыбек-би, другие прославленные батыры и вожди стояли у истоков окончательной консолидации казахского народа в самостоятельную нацию,

формирования его самобытной и своеобразной культуры перед эпохальными событиями вхождения в лоно новой мировой цивилизации.

Заключение

Творчество Бухара-жырау – это довольно-таки целостное идейно-эстетическое явление, находившееся в основном русле духовных процессов культурогенеза казахского народа. В этом преемственном движении эстетических форм и образов сквозь века, имеющем четкие типологические признаки в виде канонической жанровой системы (толгау, терме, жыров, оленов), принципов образного мышления, ритмообразования, эпического сказывания (идеализации и романтизации, героизации воинского образа жизни), наряду с отработанной стилистикой, корпусом традиционных мотивов, формульным языком, сущностными идеями, активно функционировали формы апелляций к творцу миров, религиозно-мифологическая парадигматика, лексика метасемантического содержания, творческое воспроизведение коранической сотералогии и эсхатологии. В эпоху творчества акынов-жырау процесс синкретического слияния и непротиворечивого синтеза народной религии и природы, тенгрианства и ислама оканчательно завершился. Эти процессы отразились и на духовно-эстетической деятельности народных сказителей жырау, результатом чего предстали мифопоэтическая семантическая многослойность многих толгау, терме-оленов, совмещение лексики и сакральных терминов из разных религий, отождествление имен бога, религиозных доктрин. Трехвековая борьба казахского народа с джунгарскими завоевателями обусловила повышенную актуализацию религиозной идеи в поэзии акынов-жырау как консолидирующего идеологического фактора. Эта тенденция получила наиболее последовательное и осознанное выражение в творчестве Бухара-жырау.

Литература

- Иасауи Қ.А. Диуани Хикмет (ақыл кітабы). – Алматы: Мұраттас, 1993. – 262 с.
Қазақ әдебиетінің қысқаша тарихы. 1-кітап. – Алматы: Қазақ университеті, 2001. – 467 с.
Магауин М. Кобыз и копые [Текст]: повествование о казахских акынах и жырау XV-XVIII веков. – Алма-Ата: Жазушы, 1970. – 160 с.
Аюпов Н.Т. Религиозная система древних тюрков. – Алматы: АГУ имени Абая, 1998. – 156 с.
Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.
Бухар жырау Қ. Шығармалары. – Алматы: Мұраттас, 1992. – 94 с.

References

- Iasuai KA Diwani Hikmet (Book of reasoning). – Almaty: Murattas, 1993. – 262 p.
Brief history of Kazakh literature. Book 1. – Almaty: Kazakh University, 2001. – 467 p.
Magauin M. Kobyz and spear [Text]: the narrative of the Kazakh akyns and zhyrau in the XV-XVIII centuries. – Alma-Ata: Writer, 1970. – 160 p.
Ayupov N.T. Religious system of the ancient Turks. – Almaty: ASU named after Abai, 1998. – 156 p.
The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Sign and Ritual. – Novosibirsk: Science, 1990. – 209 p.
Bukhar Zhyrau K. Works. – Almaty: Murattas, 1992. – 94 p.